

Л. Толстой и церковь: дискуссия об отлучении

Вопрос об отлучении Л. Толстого от русской православной церкви дискутируется. Книга Георгия Ореханова «Лев Толстой и церковь».

Церковная система, которая возникла в эпоху Петра I — церковь становится ведомством в законодательной машине.

Точка зрения исследователей в советское время: Л. Толстой — одинокий бунтарь, который стал выступать с жестокой критикой общественных институтов. Но это не был конфликт одного человека с системой, это глубокий конфликт, связанный с особенностями этой системы и историческим временем. Многие современники Л. Толстого высказывали те же мысли (см. письма Чехова), но не делали это публично. История Л. Толстого — отражение ситуации, которая есть религиозный кризис. Любой человек 19 века рождался в православной семье, но культура была уже враждебна церкви во второй половине 19 века. Ф. Тютчев: «Не могу представить религиозного человека моего круга, которого вообще интересовали бы религиозные вопросы». И. Бунин: «В церкви бывали только на похоронах, и была одна мысль — выйти на паперть и покурить». Вопрос второй половины 19 века: может ли современный образованный человек верить в то, во что призывает верить православие? Истина — то, чего ищет современный образованный человек. Христос — то, во что верит православие. Толстой — наиболее яркое выражение этого конфликта. Толстой проповедовал тип христианства, который был популярен в Европе. Для Толстого никакого кощунства не было (книга Штрауса 1843г, в которой Христос просто пророк).

Антицерковные произведения Л. Толстого («В чем моя вера» и др.) печатались в Швейцарии, широко в России не распространялись, после отлучения — сотни писем Толстому от простых людей: «За что вас отлучили?».

Февральский акт об отлучении 1901 года после романа «Воскресенье» — это уже широкое распространение антицерковных идей, 39, 40 главы первой части, где изображена литургия, насильственное причащение в тюрьме.

Александр III был противником репрессий против Толстого, восхищался писателем. Отлучили потому, что появилась новая плеяда архиереев, которые смогли взять на себя отлучение (митрополит Антоний Храповицкий). Обер-прокурор синода Победоносцев. Письмо Толстому: «Ваша вера одна, а моя и церковная вера другая, и Ваш Христос, не наш Христос. Нашего я знаю, как мужа силы и истины, исцеляющего расслабленных, а в вашем мне показались черты расслабленного, который сам требует исцеления».

Отлучение это или не отлучение? Использовали термин «отторжение». Без покаяния для Толстого невозможны ни церковное погребение, ни заупокойная молитва. В Астапово приехал старец из Оптиной с Дарами, имел инструкцию, если Толстой даже на ухо скажет: «Каюсь», — причастить и соборовать. Документ не носит, вроде бы, характер отлучения, но по последствиям для Толстого документ именно такой. Конфликт враждебной всякой институции религиозности, несущей на себе печать европейского Просвещения, и церкви, сознательно противостоящей влиянию идей Просвещения.

Акт отлучения Лео Таксиля от римской католической церкви: «Да будет он проклят всюду, где бы ни находился. Да будет он проклят во всех делах его, во всех частях тела его: лоб его, волос его, желудок его, поясница его, пах его, бедро его, ногти его, лоб и глаза его, чтобы болезни грызли его от макушки до пят, чтобы небо и все силы его обратились против него, пока не даст он покаяния...». Победоносцев редактировал синодальный акт, но писал, что ему не сочувствует. Акт упрочил славу Толстого, интеллигенция стала на его сторону. А. Блок: «Ничего, что синод запрещает нам радоваться и печалиться вместе с Толстым, мы давно уже научились радоваться и печалиться без синода». Толстой — это вызов для церкви, для христианства, который требует убедительного ответа. И ответ на который не был получен.